

208/64
П. М. МЕЛИОРАНСКІЙ

ПАМЯТНИКЪ
ВЪ ЧЕСТЬ КЮЛЬ ТЕГИНА.

СЪ ДВУМЯ ТАБЛИЦАМИ НАДПИСЕЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лн., № 12.
1899.

П. М. МЕЛИОРАНСКІЙ.

Platon Mikhailovich Melioranski

ПАМЯТНИКЪ

ВЪ ЧЕСТЬ КЮЛЬ ТЕГИНА.

СЪ ДВУМЯ ТАБЛИЦАМИ НАДПИСЕЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

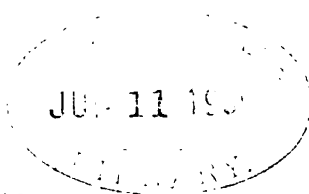
Вас. Остр., 9 лн., № 12.

1899.

222.6.83

✓

~~222.67~~

By exchange

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.
Секретарь *В. Дружининъ.*

(ОТДѢЛЬНЫЙ ОТТИСКЪ ИЗЪ „ЗАПИСОКЪ ВОСТОЧН. ОТДѢЛ. ИМП. РУССК. АРХЕОЛОГ. ОБЩ.“
ТОМЪ XII).

Оглавление.

	СТР.
I. Введение.....	1
II. Транскрипція и переводъ надписей	60
III. Примѣчанія	79

Памятникъ въ честь Кюль-Тегина.

I. Введеніе.

Орхонскія надписи, изданныя и переведенныя теперь уже нѣсколько разъ, окончательно разрѣшили вопросъ о языкѣ и алфавитѣ давно занимавшихъ ученый міръ загадочныхъ надписей, которыя до 1889 года были нахо-димы главнымъ образомъ въ бассейнѣ верхняго Енисея. Первую вѣсть о нихъ принесъ еще въ прошломъ столѣтіи плѣнный шведскій офицеръ, Страленбергъ¹⁾; число открываемыхъ надписей съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе увеличивалось, и въ 1818 году появилась о нихъ подробная статья г. Спасскаго въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» подъ заглавіемъ «Древности Сибири». По порученію графа Румянцева академикъ Кругъ перевелъ эту статью на латинскій языкъ; переводъ этотъ, озаглавленный: «Inscriptiones Sibiricae: de antiquis quibusdam sculpturis et inscriptionibus in Sibiria repertis», появился въ 1822 году и заинтересовалъ многихъ европейскихъ ориенталистовъ. Абель-Ремюза помѣстилъ въ «Journal des Savants» за октябрь 1822 года замѣтку, въ которой говорилъ между прочимъ, что у азіатскихъ народовъ существовало обыкновеніе ставить такъ называемые «пей», т. е. каменные обелиски съ двуязычными или даже трехъязычными надписями. Открытие подобнаго обелиска, говорилъ онъ далѣе, послужитъ лучше къ разрѣшенію вопроса о енисейскихъ надписяхъ, чѣмъ одни разсужденія и предположенія. Ученые Роммель²⁾ и Клапротъ³⁾ также написали статьи по поводу статьи Спасскаго. Эпиграфическіе матеріалы продолжали нарастать также втеченіе слѣдующихъ десятилѣтій и, хотя не разъ возникавшія

1) Das Nord und Östliche Theil v. Europa u. Asia. Stokholm, 1780.

2) Göttingische gelehrte Anzeigen 1823, № 204.

3) Mémoires relatifs à l'Asie p. M. J. Klaproth, 1824, p. 157—171.

попытки разобрать загадочныя надписи оканчивались полною неудачею, ученый міръ не переставалъ заниматься ими, и въ 1889 году появилось новое изданіе ихъ: «Inscriptions de l'Jénisséi recueillies et publiées par la société finlandaise d'archéologie. Helsingfors». Эта книга явилась плодомъ нѣсколькихъ экспедицій, предпринятыхъ финляндскими археологами во главѣ съ г. Аспелиномъ. Пользованіе этимъ трудомъ облегчено было брошюрой О. Доннера «Wörterverzeichnis zu den «Inscriptions de l'Jénisséi», 1892, въ которой сдѣлана въ общемъ весьма удачная попытка систематизаціи заключающагося въ атласѣ «Inscriptions de l'Jénisséi» эпиграфическаго матеріала.

Наконецъ въ 1889 году Н. М. Ядринцевъ открылъ въ бассейнѣ рѣки Орхона въ 60-ти верстахъ къ сѣверу отъ буддійскаго монастыря Эрдени Цзу остатки какихъ то сооружений; при внимательномъ осмотрѣ среди нихъ былъ найденъ большой разбитый на три куска обелискъ, съ трехъ сторонъ покрытый енисейскими письменами, а съ четвертой—китайскими. Впослѣдствіи выяснилось, что это памятникъ въ честь турецкаго хана Бильге. Въ полуверстѣ отъ этого мѣста Н. М. Ядринцевымъ были найдены опять таки остатки подобныхъ же сооружений и обелискъ (хотя и въ лежачемъ положеніи, но на этотъ разъ почти неповрежденный), одна сторона котораго была занята китайской надписью, а три остальные—енисейскими письменами¹⁾. Это и былъ, какъ мы теперь знаемъ, памятникъ въ честь брата Бильге-хана, Кюль-Тегина. По слѣдамъ Н. М. Ядринцева отправилась на Орхонъ экспедиція, снаряженная Финно-Угорскимъ Обществомъ, съ г. Гейкелемъ во главѣ, которая сняла съ надписей фотографии въ 1890 году, а въ 1892 году появилось уже и изданіе этихъ надписей, озаглавленное: «Inscriptions de l'Orkhon recueillies par l'expédition finnoise 1890 et publiées par la société finno-ougrienne. Helsingfors, 1892». Въ 1891 году тѣ же надписи и нѣкоторыя другія (между прочимъ монгольскія и тибетскія) были обследованы экспедиціей, снаряженной Императорскою Академіею Наукъ, съ В. В. Радловымъ во главѣ. Съ надписей были сняты новымъ способомъ эстампажи на коленкорѣ²⁾, а въ 1892—1896 годахъ появились плодомъ этой экспедиціи въ трехъ выпускахъ: «Arbeiten der Orkhon-Expedition, Atlas der Alterthümer der Mongolei», или «Труды Орхонской экспедиціи, Атласъ древностей Монголіи», изданные по порученію Императорской Академіи Наукъ В. В. Радловымъ.

1) Замѣтимъ, что обелиски эти не цилиндрической формы, а имѣютъ видъ усѣченныхъ пирамидъ; верхнее основаніе у нихъ впрочемъ лишь немного меньше по площади, чѣмъ нижнее.

2) См. объ этомъ способѣ Зап. Вост. Отд., т. VII, 1893, стр. 169—181.

Какъ видно изъ описанія наружнаго вида двухъ наиболѣе интересныхъ памятниковъ (въ честь Бильге-хана и Кюль-Тегина), сдѣланнаго ак. Радловымъ¹⁾, они состояли изъ цѣлаго ряда сооружений²⁾. А именно: въ западной части всей группы построекъ стоитъ гранитная глыба кубической формы съ круглымъ углубленіемъ на верхней ея площадкѣ. В. Радловъ предполагаетъ, что это — жертвенникъ. Въ нѣсколькихъ саженьяхъ къ востоку (или къ ОНО³⁾) отъ него находится холмъ, возлѣ котораго стоитъ нѣсколько плохо сохранившихся статуй; онѣ изображаютъ вѣроятно хана, ханшу и ихъ подчиненныхъ. Самый же холмъ образовался изъ остатковъ обрушившагося надгробнаго храма, который строился обыкновенно въ числѣ прочихъ сооружений, по словамъ китайскихъ лѣтописцевъ⁴⁾. Наконецъ еще далѣе къ востоку (или ОНО) въ 20 (24) саженьяхъ отъ жертвенника находится самый камень съ надписью («бітіг таш»); первоначально онъ былъ укрѣпленъ посредствомъ шипа въ спинѣ мраморной черепахи, служившей ему фундаментомъ. Въ вышину колонна Бильге-хана была приблизительно 3 метра 45 сантим., въ ширину 1 м. 74 с., въ толщину 72 с.; колонна Кюль-Тегина нѣсколько меньше, а именно: 3 м. 15 с. вышины, 1 м. 24 с. ширины и 41 с. толщины. Верхушки обоихъ памятниковъ обдѣланы въ видѣ заглавныхъ пятиугольныхъ щитовъ, украшенныхъ китайскими изображеніями драконовъ; эти щиты также покрыты съ одной стороны большими знаками, изображающими вѣроятно ханскую тамгу⁵⁾, а съ другой — китайскими и орхонскими надписями. Одна изъ широкихъ поверхностей обоихъ памятниковъ занята китайскою надписью, а три другія — орхонскими письменами. Кромѣ того ребра этихъ усѣченныхъ пирамидъ съ надписями нѣсколько стесаны и на образованныхъ такимъ способомъ длинныхъ и узкихъ площадкахъ также сдѣланы надписи, часть которыхъ довольно хорошо сохранилась и представляетъ значительный интересъ на памятникѣ Кюль-Тегина, такъ какъ тамъ даются важныя хронологическія указанія. Кромѣ того на памятникѣ Кюль-Тегина есть небольшая орхонская надпись справа отъ китайской надписи на нижней поло-

1) См. «Сборникъ трудовъ орхонской экспедиціи. IV. Древне-тюркскіе памятники въ Кошо-Цайдамѣ» В. В. Радловъ и П. М. Меліоранскій.

2) Оба памятника воздвигнуты по одному и тому же плану и по числу и расположенію сооружений почти совершенно тождественны. Цифры въ скобкахъ указываютъ на разстоянія при памятникѣ Кюль-Тегина.

3) Это направленіе дано всему ряду сооружений при памятникѣ Бильге-хана вѣроятно вслѣдствіе небольшой ошибки въ опредѣленіи странъ свѣта.

4) См. Гакинѣ, Собраніе свѣдѣній и пр., т. I, отд. II, стр. 337.

5) В. Томсенъ думаетъ, что это слово «кабан», написанное орхонскою вязью.

винѣ камня, (если представить его себѣ въ стоячемъ положеніи). Сличеніе орхонскихъ надписей на обоихъ памятникахъ показало, что значительная часть большой турецкой надписи Бильге-хана совпадаетъ (за очень немногими отступленіями) со значительной частью большой надписи Кюль-Тегина (по В. Радлову: К 1—30 = Х 2—24). Кромѣ того надпись, помѣщенная на лѣвой боковой поверхности памятника Кюль-Тегина¹⁾, совпадаетъ въ значительной части съ надписью, помѣщенной на правой боковой поверхности памятника Бильге-хана, а именно, по В. Радлову: Ка 1—11 = Хb 1—8. Это совпаденіе оказало значительныя услуги при дешифровкѣ и дальнѣйшей интерпретаціи надписей. Вопросъ о томъ, въ какія страны свѣта были первоначально обращены поверхности памятниковъ, покрытыя надписями, едва-ли можетъ быть разрѣшенъ. Дѣло въ томъ, что оба памятника найдены были уже въ лежащемъ положеніи. Гг. Гейкель и Томсенъ полагаютъ, что памятники были обращены на востокъ большими поверхностями, занятыми орхонскими письменами²⁾, что конечно вѣроятно, но все-таки осторожнѣе не утверждать этого категорически. Въ четырехъ саженьяхъ отъ обелиска Бильге-хана къ ОНО были найдены въ землѣ статуи двухъ животныхъ, повидимому, оленей; еще дальше идетъ рядъ грубо выгесанныхъ фигуръ, расположенныхъ вереницею на разстояніи отъ 3 до 5 сажень другъ отъ друга. Эта вереница тянется при памятникѣ Бильге-хана по крайней мѣрѣ три версты, при памятникѣ Кюль-Тегина — четыре съ половиною версты. На первой такой фигурѣ при памятникѣ Бильге-хана есть надпись: «Это — каменный балбалъ шада Тѳлесовъ». Изъ китайскихъ источниковъ мы знаемъ, что у турокъ было въ тѣ времена обыкновеніе разставлять при надгробномъ памятникѣ знатнаго лица вереницу каменныхъ фигуръ или камней въ память убитыхъ покойнымъ враговъ. Изслѣдованіе орхонскихъ памятниковъ показало, что камни эти назывались тогда «балбалами»; при памятникѣ Кюль-Тегина ихъ особенно много, такъ какъ этотъ знаменитый витязь перебилъ на своемъ вѣку не одну сотню враговъ. Замѣчательно, что самое слово «балбалъ», надѣлавшее въ началѣ столько хлопотъ всѣмъ бравшимся за истолкованіе орхонскихъ надписей, какъ оказывается, до сихъ поръ сохранилось въ каракиргизскомъ нарѣчій, хотя съ другимъ и несовсѣмъ яснымъ для насъ значеніемъ: «небольшой участокъ (земли) съ валиками»³⁾.

1) Слѣдуетъ представлять себѣ памятникъ въ стоячемъ положеніи и считать отъ большой орхонской надписи.

2) Мы не знаемъ, почему г. Радловъ говоритъ, что, по мнѣнію г. Гейкеля, памятникъ Бильге-хана былъ обращенъ на востокъ *китайскою* надписью. См. Древне-тюркскіе памятники въ Кошо-цайдамѣ, стр. 7 и 8.

3) См. Протоколъ засѣданія... Туркестанскаго кружка любителей археологій отъ 29

Хотя весьма естественное предположеніе, что китайскія надписи на обоихъ вышеописанныхъ обелискахъ по содержанію тождественны съ находящимися на нихъ же орхонскими, впоследствии не подтвердилось, — тѣмъ не менѣе конечно разборъ китайскихъ надписей долженъ былъ во всякомъ случаѣ пролить много свѣта на новооткрытые памятники. Первый переводъ ¹⁾ китайской надписи на обелискѣ Кюль-Тегина былъ сдѣланъ учителемъ ургинской школы и проверенъ затѣмъ г. Поповымъ. (См. статью А. Гейкеля въ «Восточномъ Обзорѣніи» 1891 г. №№ 13 и 14). Затѣмъ появился въ 1892 г. нѣмецкій переводъ той-же надписи г. фонъ-деръ-Габелентца, который имѣлъ подъ руками русскій переводъ, см. атласъ Финно-Угорскаго Общества «Inscriptions de l'Orkhon», р. XXV и XXVI. Воздерживаясь отъ всякаго сравненія этихъ переводовъ по существу, не могу не пожалѣть, что г. Шлегель, которому принадлежитъ третій переводъ этой надписи («La stèle funéraire du Téghin-Giogh etc. р. G. Schlegel, 1892), подвергая переводъ фонъ-деръ-Габелентца строгой критикѣ, до нѣкоторой степени склоненъ былъ отождествлять его переводъ съ раньше сдѣланнымъ русскимъ. Первый русскій переводъ гораздо ближе къ шлегелевскому и вообще къ позднѣйшимъ переводамъ, чѣмъ переводъ фонъ-деръ-Габелентца и не содержитъ многоаго того, на что нападалъ г. Шлегель ²⁾. Вообще «traducteur russe» (см. заглавіе статьи г. Шлегеля) напрасно задѣтъ почтеннымъ синологомъ, не видѣвшимъ, по собственному признанію, русскаго перевода. Нашъ маститый синологъ, В. П. Васильевъ, также далъ переводъ китайской надписи въ честь Кюль-Тегина (Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, v. W. Radloff, 1895, Seite 167), причемъ первый заподозрилъ гіероглифъ + въ датѣ сооруженія памятника. Окончательно правильно установлена дата сооруженія памятника знаменитымъ В. Томсеномъ, которому принадлежитъ и слава дешифровки самого орхонскаго письма ³⁾. Къ чтенію В. Томсена испорченнаго гіеро-

августа 1897 г. Приложенія, стр. 3. Повидимому такъ называютъ теперь каракиргизы остатки какихъ нибудь древнихъ сооружений, имѣющие видъ четырехугольника.

1) Надъ установленіемъ *текста* надписи немало потрудились нѣкоторые ученые китайцы въ Пекинѣ, Парижѣ и С.-Петербургѣ. См. о нихъ въ соотвѣствующихъ мѣстахъ въ атласѣ Финно-Угорскаго Общества, у В. Радлова и др.

2) Напр. въ русскомъ переводѣ нѣтъ ничего о какой-то «Cydonia japonica», отвергнутой всѣми позднѣйшими переводчиками, нѣтъ фразы: «aber da ich mich in der Nähe umschaue, warst du plötzlich erschöpft», которая приписывается фонъ-деръ-Габелентцемъ «русскому переводчику» («so scheint es der russische Übersetzer anzufassen» Inscr. de l'Orkh. XXV) и т. д. Въ 1894 году г. Поповъ, принявъ къ свѣдѣнію нѣкоторыя изъ замѣчаній Г. Шлегеля, далъ исправленный переводъ въ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ томъ 76-ый, книжка I, 1894.

3) Считаю однако не лишнимъ указать, что еще въ 1892 г. синологъ G. Devéria

глифа какъ 七 (7) присоединился впоследствии и пятый переводчикъ китайской надписи, англійскій синологъ г. М. Паркеръ, см. его переводъ въ «Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées par Vilh. Thomsen», 1896, p. 212—216. Наконецъ въ самое послѣднее время эти китайскія надписи были еще разъ переведены главнымъ образомъ по установленному китайскими учеными тексту В. П. Васильевымъ, см. «Китайскія надписи на орхонскихъ памятникахъ въ Кошо-цайдамъ и Кара-Балгасунъ».

Мы не можемъ входить, по незнанію китайскаго языка, въ сравненіе и оцѣнку относительной вѣрности всѣхъ предложенныхъ переводовъ, которые во многихъ частностяхъ сильно расходятся другъ съ другомъ, а стараемся только вкратцѣ передать содержаніе китайской надписи, насколько оно пока выяснилось, и указать на наиболѣе существенные для истолкованія орхонско-турскихъ надписей пункты¹⁾.

Послѣ коротенькаго вступленія философскаго характера въ китайской надписи говорится вообще о сношеніяхъ кочевниковъ съ китайцами и о пользѣ мира для тѣхъ и другихъ. Въ частности говорится далѣе о союзѣ между царствующимъ Бикя-кэхан'омъ (т. е. Билгъ-кабан'омъ) и китайскимъ императоромъ и особенно прославляются доблести и добродѣтели брата ханова Кюй-Тегина²⁾, въ честь котораго воздвигнуть и самый памятникъ. Называется также и отецъ обоихъ братьевъ, Гу-ду-лу Кэханъ (т. е. Кутлугъ кабан), а также есть упоминаніе и о ихъ предкѣ, имя котораго читается различно: Идимитоку (первый русскій переводъ), Yi-ti-mi-t'o-pik (фонтьдеръ-Габелентцъ), Iti-Mito-beg (Шлегель), I-ti-mi-schi-fu (В. Васильевъ у В. Радлова), Beg Iti-mish (Паркеръ), Идимишифу (въ новѣйшемъ переводѣ В. П. Васильева); оно представляетъ нѣкоторое сходство съ Истеми-каганомъ, упоминаемымъ въ надписяхъ Кюль-Тегина и Бильге-хана. Далѣе китайскій императоръ выражаетъ свою печаль и соболѣзнованіе по поводу смерти Кюль-Тегина, который былъ братомъ названнаго сына его, императора, и говоритъ, что велѣлъ воздвигнуть въ честь его этотъ великолѣпный памятникъ. Надпись оканчивается стихами, въ которыхъ воспѣвается

писалъ о памятникѣ Кюль Тегина, что «(il) est daté de la 7-ème lune de la 20-e année K'ai Yuan», что повидимому ускользнуло отъ вниманія В. Томсена. См. атласъ. Inscr. de l'Orkh. p. XXVIII.

1) При транскрипціи собственныхъ именъ здѣсь и ниже мы вынуждены будемъ прямо придерживаться транскрипцій тѣхъ синологовъ, трудами которыхъ мы пользуемся, несмотря на разногласіе ихъ между собою.

2) Такое чтеніе этихъ словъ наиболѣе близко къ дѣйствительному произношенію: «Kül-tāgin». Я думаю, что В. П. Васильевъ правъ, доказывая, что это не имя — титулъ, а какой нибудь сложный титулъ (Китайскія надписи на орхонскихъ памятникахъ и пр. стр. 2, примѣч. 3 и 4).

родина турокъ и самъ Кюль-Тегинъ, причемъ опять говорится о сооруженіи въ честь его памятника. Въ концѣ помѣщена дата: при династїи Танъ, въ 20-ый годъ правленія Кай-юань, седьмой луны, седьмого числа. Выше мы уже упомянули, что гіероглифъ, обозначающій цифру мѣсяца, прочитанъ и подробно истолкованъ В. Томсеномъ. Вотъ вкратцѣ ходъ его разсужденій: двадцатый годъ Кай-юань соотвѣтствуетъ времени отъ 1-го (или 2-го) Февраля 732 г. до 20-го января 733 г. нашей эры. Если читать «въ двѣнадцатый мѣсяцъ» (какъ первый русскій переводчикъ, фонъ-деръ-Габелентцъ и Г. Шлегель), то невозможно объяснить слѣдующее затѣмъ названіе дня «Ting-wei», такъ какъ дня съ такимъ названіемъ совсѣмъ не было въ двѣнадцатомъ мѣсяцѣ разсматриваемаго года. По тому-же соображенію нельзя читать и «въ десятый мѣсяцъ», какъ предложилъ В. П. Васильевъ. Остатокъ начертанія всего болѣе, по В. Томсену (а впослѣдствіи и М. Паркеру¹⁾) походитъ на гіероглифъ 七 (7), а не на $\pm$ или $\div$. Если принять это послѣднее чтеніе, то окажется, что памятникъ былъ воздвигнутъ 1-го августа 732 г. Такой результатъ подкрѣпляется еще и астрономическими вычисленіями, по которымъ выходитъ, что ближайшее предшествовавшее этому дню новолуніе было въ Китаѣ 26-го іюля 732 г. въ 10 $\frac{1}{2}$ часовъ вечера; день новолунія считался у китайцевъ первымъ днемъ мѣсяца (въ нашемъ случаѣ седьмого мѣсяца двадцатаго года); слѣдовательно 1-ое августа было седьмымъ днемъ новолунія или мѣсяца, что вполне согласно съ заключительными словами китайской даты «седьмого числа»²⁾.

Въ заключеніе укажемъ еще на нелишнюю интереса статью F.Hirth'a, «Über den Verfasser und Abschreiber der chinesischen Inschrift am Denkmal des Kōl-Tāgin. (См. T'oung-Pao, VII, № 2), въ которой, хотя и не безъ нѣкоторыхъ колебаній, доказывается, что вся эта надпись была не только сочинена, но и собственноручно нанесена на бумагу самимъ китайскимъ императоромъ³⁾. Однако гіероглифы, на основаніи которыхъ дѣлается этотъ выводъ, такъ испорчены, что съ трудомъ читаются и то только при помощи сильной лупы⁴⁾.

1) А также и G. Devéria, см. выше.

2) Не можемъ не пожалѣть, что и въ послѣднемъ переводѣ В. П. Васильева стоитъ по прежнему «въ 10-ой лунѣ» (I. с. стр. 7).

3) Совершенно того-же мнѣнія держится и китайская коллегія Цзунъ-ли-ямынь, устанавливавшая текстъ надписи, съ котораго впослѣдствіи переводилъ В. П. Васильевъ. См. «Китайскія надписи на орх. пам. и т. д.» стр. 2 и 8.

4) Отмѣтимъ еще статью G. Devéria въ T'oung Pao, 1891, стр. 229, въ которой сообщается, что объ этомъ памятникѣ, а также мѣстоположеніи обоихъ Кара-Корум'овъ есть свѣдѣнія у одного китайскаго писателя, Ye-lu-tschou, жившаго въ XIII вѣкѣ.

Разборъ китайской надписи выяснилъ такимъ образомъ, что найденный Н. М. Ядринцевымъobeliskъ воздвигнутъ въ 732 году по Р. Х. въ честь одного изъ тугю'йскихъ (т. е. турк'скихъ) тегиновъ (принцевъ), а именно Кюй-тегина, брата Бикя-кагана и сына Гу-ду-лу кагана. Надпись орхонскими буквами должна была слѣдовательно оказаться турецкой и въ ней конечно должны были встрѣчаться хотя нѣкоторые изъ вышеупомянутыхъ собственныхъ именъ или титуловъ. Другія (неприведенныя нами) собственные имена, читающіяся въ китайской надписи, не встрѣчаются, какъ обнаружилось впослѣдствіи, въ орхонско-турецкой надписи, которая вообще оказалась совершенно независимой отъ китайской; лишь очень немногія, короткія фразы турецкаго текста представляютъ сходство съ различными мѣстами китайской надписи, судя по крайней мѣрѣ по нѣкоторымъ переводамъ этой послѣдней; мы укажемъ на нихъ впослѣдствіи.

Историческія и этнографическія свѣдѣнія о народѣ «тугю» дошли до европейцевъ изъ источниковъ византійскихъ и китайскихъ, причемъ послѣдніе гораздо полнѣе и подробнѣе первыхъ. Западные «тугю» отправляли между прочимъ въ 568 году посольство въ Константинополь, въ отвѣтъ на которое къ ихъ хану, Дизавулу, ѣздилъ посломъ отъ греческаго императора Земархъ. Благодаря этимъ сношеніямъ сохранились у нѣкоторыхъ византійскихъ писателей, главнымъ образомъ у Менандра Протектора и Теофилакта Симокатты, нѣкоторыя свѣдѣнія о тугю'йцахъ и ихъ нравахъ. Китайцы во времена Танской династіи (и ранѣе) состояли въ почти непрерывныхъ сношеніяхъ съ тугю'йцами за все время существованія ихъ эл'я, т. е. государства или племеннаго союза, а потому свѣдѣнія о тугю'йцахъ, заключающіяся главнымъ образомъ въ исторіи Танской династіи, весьма подробны и цѣнны¹⁾. Тугю'йцы, по словамъ китайскихъ лѣтописей, происходятъ изъ «дома» Хунну

1) Вотъ главные европейскіе переводы или обработки этихъ источниковъ:

1) Deguignes. Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols etc., t. I, 2-ème partie. (Paris 1756), p. 367 et sq.

2) Visdelou. Supplément à la Bibliothèque Orientale d'Herbelot (Maëstricht 1776), p. 40 et sq.

3) Stanislas Julien. Documents historiques sur les Toukioue (Turcs). Journ. As. 6-e série, t. III et IV, Paris 1864.

4) Gaubil. Abrégé de l'histoire chinoise de la grande dynastie Tang, см. Mémoires concernant l'histoire etc. des Chinois, t. XV et XVI.

5) Klaproth. Tableaux historiques de l'Asie, 1826, напр. стр. 113 и слѣд.

6) Іакинъ (Бичуринъ). «Собраніе свѣдѣній о народахъ, обит. въ Ср. Азии», I, II.

7) M. Parker. A thousand years of the Tartars. Shanghai 1895. Турецкія собственные имена и титулы возстановлены въ этой книгѣ по большей части неудачно.

(Hiong-nou), отрасли Ашина. Родина ихъ — горы Kin-chan, которые, по всей вѣроятности, слѣдуетъ искать гдѣ-нибудь на сѣверномъ склонѣ тепершняго Алтая. До середины VI вѣка они находились подъ властью Жу-жанъ. Около 550 года (по Р. Х.) они настолько усилились, что вождь ихъ ордѣ, Тумынь, принялъ титулъ Kho-han'a или I-li-khan'a, Или-Хана (т. е. кабан'а или älik-хана (?)), а жена его — титулъ Kho-ho-toum, Хатунъ (т. е. катун). Съ этого же времени начались болѣе или менѣе правильныя сношенія тугю'йцевъ съ Китаемъ. Послѣ смерти Тумын'а (въ 552 г.) на престолъ вступилъ его сынъ Kho-lo (Коло) или I-si-(ki)-khan (Исиги ханъ), проправствовавшій всего одинъ годъ. (У Iak. сказано: «вскорѣ умеръ»). Младшій братъ его Sse-kin или Sse-teou (или Yen-tou) (по Iak. Кигинъ или Яньду), наследовавшему съ титуломъ Mo-han или Mo-kap khan'a (Iak.: Му-юй ханъ) и особенно прославился, какъ полководецъ и завоеватель. Послѣ него въ тугю'йскомъ государствѣ начались несогласія между лицами, претендовавшими на престолъ; эти смуты повели — приблизительно около 600 года — къ распаденію тугю'йскаго государства на двѣ части: западныхъ тугю и восточныхъ тугю, — изъ нихъ для насъ имѣютъ въ данномъ случаѣ интересъ послѣдніе. Смуты и междоусобія продолжали ослаблять восточно-тугю'йское государство, причемъ китайцы усердно поддерживали ихъ въ своихъ интересахъ, такъ что наконецъ въ 630 году китайцамъ удалось побѣдить окончательно своихъ безпокойныхъ сосѣдей и взять въ плѣнъ ихъ хана Kie-li (или Kiet-li), по Iакинѣу Хѣли, который умеръ въ плѣну въ 634 году. Тугю стали въ вассальныя отношенія къ Китаю; ихъ страна была раздѣлена на области, управлявшіяся тугю'йскими (по происхожденію) чиновниками, которые однако носили китайскіе титулы; часть тугю была даже поселена въ китайскихъ предѣлахъ. Хотя недовольныхъ новымъ порядкомъ вещей было немало, но втеченіе пятидесяти лѣтъ попытки освободиться отъ китайскаго господства не увѣнчивались успѣхомъ.

Свергнуть китайское иго удалось только нѣкому Kou-tou-lou (Гудулу) (т. е. Кутлуу'у), происходившему изъ рода Kie-li (Хѣли)¹⁾, который провозгласилъ себя ханомъ въ 681 (682) году. Подъ его начальствомъ тугю предприняли впослѣдствіи много походовъ, между прочимъ и противъ своихъ сородичей, западныхъ тугю. Гудулу умеръ вѣроятно въ 690 или 691 году (но не въ 693 г., какъ значится у Deguignes'я и Iакинѣа)²⁾. Такъ какъ сыновья Гудулу остались послѣ его смерти малолѣтними дѣтьми, то ханомъ

1) Возможно, что онъ только выдавалъ себя за отпрыска когда-то царствовавшей династїи.

2) Inscriptions de l'Orkhon p. Vilh. Thomsen, page 66.